

УДК 141.32
159.955

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ПЕРЕД ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ВЫЗОВОМ

© 2013 г.

Э.А. Тайсина¹, Т.Н. Халитов²

¹ Казанский государственный энергетический университет

² Казанский (Приволжский) федеральный университет

Emily_Tajsin@inbox.ru; anthropology.ksu@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2013

Представлены главные положения новой гносеологии, соответствующей мировоззрению экзистенциального материализма. Её появление обусловлено необходимостью, во-первых, отойти от «корреспондентной» теории истины в условиях антропологического поворота, а во-вторых, учесть достижения оппонировавших направлений в философии. Это стало возможно при сознательном возвращении к принципу единства оснований бытия и познания, отражающему ситуацию «здесь-и-теперь-бытия-сознания».

Ключевые слова: гносеология, антропология, экзистенциальный материализм, «Dabewußtsein», философия сознания Ф. Brentano, истина.

Представленная вниманию читателя новая гносеология, или общая теория познания, в одной мере является наследницей всех материалистических теорий знания, а в другой – преемницей, использующей субъективные доктрины, дабы привлечь внимание к принципу *единства бытия и познания*.

Термин «гносеология» ныне фактически не используется; вместо него говорят «эпистемология». Однако здесь существует двойная опасность: 1) эпистемология – это теория лишь научного познания; 2) в результате расширительного употребления этого термина общая теория познания, гносеология, стала неоправданно восприниматься как позитивистская. Поэтому со стороны философской антропологии она получила справедливый упрек в «бессубъектности». Новая теория познания, призванная ответить на этот вызов, имеет выраженное «человеческое измерение» и называется *экзистенциальным материализмом*. Наша статья представляет основные положения новой теории познания, включающей не только физическое бытие и мир мысли, но и мир переживаний, и мир интуиции и воображения в качестве своего объекта.

От Демокрита и эпикурейцев, через «Опыт» Локка, французское просвещение эпохи модернити, через Фейербаха, «Анти-Дюринг» Энгельса и «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина пролегал путь развития материалистической философии, и советские ученые следовали этим путем.

В современной российской философии классическая материалистическая теория познания обогащается темами «социокультурная обусловленность знания» (пионерские работы Л.А. Микешиной [1; 2]), новыми доктринами «социальной эпистемологии» и «исторической эпистемологии» (работы И.Т. Касавина и его сектора [3; 4; 5; 6]), «социальной феноменологии» (Н.М. Смирнова [7]); заимствованиями из постпозитивизма, лингвистики и семиотики (Ю.М. Лотман и его школа [8], Ю.С. Степанов [9], А.Н. Портнов [10], В.В. Ким [11]), а также и культурологическим дискурсом, начиная с А.Ф. Лосева [12]. В.А. Лекторский специально обращает внимание в последних работах на «антропологический вызов», с которым гносеология должна считаться [13; 14].

Все эти достижения, кроме, разумеется, прямой отмены или замены собственно гносеологии, являются безусловно интересными и важными. Они, в частности, свидетельствуют, что теория познания всегда имеет контекстуально-свободный логико-метафизический «вход» и контекстуально-связанный, широко ориентированный на культуру и науку, обогащенный специальными знаниями «выход», итог. Задача адекватно постичь познаваемый гносеологический объект не может быть решена путем исследования «объекта» или даже на теоретических заключениях специальных наук, так как это была бы тогда не теория познания, но конгломерат образцов (хотя теория познания всегда берет эти

данные во внимание и использует как материал рефлексии). Но в тот момент, когда, благодаря большим интеллектуальным усилиям, безотносительная и беспредпосылочная познавательная теоретическая система, казалось бы, уже построена, она немедленно требует непосредственного признания ее культурного и исторического контекста, тем самым получая интерсубъективную интерпретацию.

Или же это делается комментаторами, трансформаторами, «прогрессорами» и «ниспровергателями».

Классический «школьный» материализм фактически значительно упрощает свой объект. Для него бытие равно материи, с примечанием, что сознание, когда оно появляется, также представляет собой своеобразное бытие. Существование – это движение материи (при этом акцентируется, что сознание является его высшей формой). Знание – это такое отношение между субъектом и объектом, которое обусловлено сходством умственного образа и его референта; сущность – референт; истина – подобие знания и реальности, которая в нем отображается; образ противоположен знаку, знак – образу; субъект – это познающий человек (или человечество), объект – познаваемая реальность [15; 16; 17; 18; 19].

Такой вид материализма, даже наиболее его продвинутой формы – диалектической, нетрудно критиковать. Например, диалектика абсолютной и относительной истины лучше развита Гегелем, чем Марксом. Попытка представления практики в качестве категории гносеологии вывела теорию познания за ее, теории, границы. Иные, нежели практика, критерии истины обсуждались уже скептиками, и в чрезвычайно детальной и дотошной манере (Секст Эмпирик). Типы подобия, описанные в средневековье, составляли целые списки, забытые современной историей гносеологии. Изучение сущности и эвристических функций лингвосомиотических образований схоластом Уильямом Оккамом превосходили по глубине и точности большинство материалистически ориентированных текстов российских авторов [11; 19], и так далее. Гносеология Ленина [20], основанная на положениях «абсолютная истина является суммой относительных истин» и «каждый шаг в развитии науки добавляет новое зерно к сумме абсолютной истины» (хотя пределы каждого научного суждения относительны), может называться как угодно, но не диалектической. Еще одно: для гносеологии материализма бытие, природа, объект и объективная действительность, мир, материя, физика и физиология (не в смысле наук, но в смысле их объектов), как, со своей стороны, дух, душа, психическое, иде-

альное и субъективное, выстраиваются в длинные парные ряды синонимов. Однако качественно это очень разные «пары»: идеальное и материальное совсем не то же самое, что субъективное и объективное, или, например, психическое и физиологическое. Указанная гносеология этого не разбирает и не исследует.

Между тем гносеология как общая теория познания, познания вообще, не может быть отозвана или заменена в философии. Как представляется, сегодня задача состоит не в том, чтобы критиковать Демокрита, Локка или Маркса (между прочим, материалист Демокрит измыслил термин «действительность», имея в виду истинность; материалист Локк изучал активность познающего субъекта; а Маркс, на примере диалектики абстрактного и конкретного труда, продемонстрировал пример обсуждения *основной синтагмы гносеологии* – рассуждения об абсолютном и относительном). Задача состоит в том, чтобы развивать особого рода материализм в теории познания, который мы назвали *экзистенциальным*.

Чтобы построить новую теорию, использовался новый метод (точнее, «оборачивание метода») организации знания, накопленного материалистической философией. Мы помним, что материализм, как это принято в «школьном» изложении, различается фазово-исторически (античный, нововременной – механистический-метафизический, новейший – «вульгарный» и диалектический-исторический материализм), а идеализм распадается *логически* на два «крыла», или направления: «объективный» и «субъективный». Новая теория познания начинается со смены этого метода организации знания. Почему нельзя рассматривать материализм также логически: как «объективный» и «субъективный»? (Точнее говоря, «экзистенциальный». Прежде всего из-за отрицательных коннотаций мы заменяем прилагательное «субъективный» на более подходящее.)

Но что это даст?

Это именно даст возможность внести в теорию познания человеческое измерение в смысле переживания бытия в ситуации постижения. До сих пор даже диалектико-материалистическая гносеология была его лишена, а позитивизм – и подавно.

Современная философия науки, эпистемология, аналитическая философия (позитивистски ориентированные дисциплины), все являются (нео)кантианскими и, конечно, далеки от материализма. Чтобы объяснить эпитет «кантианские», мы можем вспомнить главный принцип теории познания Канта: драматический разрыв

между «явлением» и «Ding-an-Sich», для которого не существует связующего, переходного моста. Этот принцип осуществляется во всех перечисленных не-материалистических философских течениях.

Это находится в разительном противоречии с принципом единства основ бытия и познания, каковые основания являются главным предметом философии... или, точнее, метафизики (онтологии + гносеологии) как ее лучшей части. Принцип этот мы унаследовали от того единственного, кого часто называют просто Философом, даже не используя имя. Гегель так же понимал философию; только его исходным постулатом было движение и преобразование, а не божественный покой Аристотеля.

Мы не имеем задачи построить другую версию исторической эпистемологии как последовательность познавательных ситуаций (или пусть «парадигм») в специальной науке, и – более широко – в некоторой культуре, хотя мы признаем важность социального и культурного контекста. Одним из условий построения современной эпистемологии (и, конечно, это подходит для теории познания *per se*) может быть следующее [5]: исследовать контекстно-связанные коммуникативные ситуации в их отношении со свободной от контекста конструкцией системы концептов, где «знание», «истина», «объективность», «закономерность» имеют место, то есть в некоторой перспективе объединить знание и коммуникацию в теории так, как фактически они объединены на практике. Наша работа методологически оправдывает контекстуально свободный ввод и контекстуально связанный вывод теории познания, которая, конечно, должна решить – и в итоге решает – проблему истины [21, с. 553–586; 22].

Еще один применяемый нами метод, то есть способ получения, организации, хранения, преобразования и передачи знания, который является промежуточным между диалектикой и логикой, может называться *синтагматикой*. В философском дискурсе различаются и обсуждаются не (синхронические) парадигмы – ведь исторически парадигма не означает ничего, кроме «дома» слова или понятия – но (диахронические) синтагмы. «Витрина» парадигм начисто лишена способности уловить ход, или ток, мышления, в отличие от синтагмы, воплощающей *таксис*, внутреннюю мыслительную связь. Синтагма, или энергия смысла целостного суждения, является воплощением также и основных философских принципов, которые, в свою очередь, являются ответами на главные философские вопросы; например существует ли бытие или нет; едино ли оно (или множественно), существует ли

мир в движении или в покое. Они имеют вид логических дизъюнкций. Первичные философские принципы имеют логический характер (природу), иначе они не могли бы быть ясно сформулированы как утверждения. Главная синтагма диалектико-материалистической онтологии, например, это вопрос о движении и покое. Главная синтагма теории познания: Истина существует (или не существует); она одна по числу и едина по качеству (или нет); истина абсолютна (или не-абсолютна). Наша главная цель состоит в том, чтобы изучить историю теории познания как полное обсуждение ее основной синтагмы. Но это – предмет другой статьи. Здесь же мы обратим сугубое внимание на антропологическое измерение гносеологии.

Единственная реальная предпосылка познания, адекватная человеческой экзистенции во всем ее безмерном богатстве, – это особое состояние целостнонеразличимости бытия и сознания, которое мы назвали «здесь-и-теперь-бытие-сознание», или «*Dabewußtsein*». Приходится лишиться раз убедиться, насколько приспособлен к философствованию немецкий язык... «Сознание» по-немецки = «осознанное *бытие*», *Bewußt(e)-Sein*; «*Da*» – вот, «здесь-и-теперь». Можно было бы употребить и английский термин «awareness»: в «Британике» он служит экспликандой сознания, наряду со способностью суждения. Однако термин «*Dabewußtsein*», являясь «самоговорящим», открывает, а не скрывает сущность ситуации постижения, или, употребим термин Хайдеггера, «стояния в просвете бытия». Экзистенция воплощается в схватывании момента «здесь-и-теперь», каковой момент необходимо признать, во-первых, «точкой сборки», (телесного) единства физиологического и психического на уровне ощущения (а материализм признает их началом развития сознания); во-вторых, ситуацией осознания себя-в-бытии и бытия в себе, а это сильнейшее переживание; и в-третьих, стартовой площадкой для построения теории познания экзистенциального материализма.

Интерференцию, или даже диффузию, субъективного и объективного по-разному объясняли философы. Сущность существующих вещей, принадлежащих одинаково субъекту и объекту познания, есть основной вопрос метафизики. Совпадение онтологии и гносеологии в новой теории познания аналогично совпадению диалектики и логики в теории познания марксизма. Точнее говоря, прежде лишь онтология объединяла физическую природу и дух в понятии бытия, где идеальное не составляет особого «мира» в реальном мире; гносеология же начиналась, когда вводился принцип познавательного отно-

шения «субъект – объект», и они противопоставлялись. Правда, у Маркса были сюжеты о диалектическом переходе, «переливе» субъективного в объективное и обратно; но не в гносеологии. В экзистенциальном материализме единство онтологии и гносеологии утверждается не за счет поправок (сознание – это тоже бытие), а за счет обособления, как было сказано, состояния «здесь-и-теперь-бытия-сознания». Надо еще заметить, что на пути познания таких «точек сборки» много: совпадение культуры и натуры в *природе человека*; психического и физического в *ощущении*; непосредственного и опосредованного в *представлении*; представления и понятия в *мысле*; адресата и адресанта в *коде коммуникации*; чувственного и логического в *деятельности*; эмпирии и разума в *знании*; образного и символического в *сознании*; субъекта и объекта в *знаке*; субъективного и объективного в *истине*... Но можно сразу сказать, что для всех этих «точек» имеется одно «геометрическое место», или культурное пространство: это язык.

Еще один принцип, на котором строятся наши рассуждения – это дополнение познавательного отношения третьим элементом: так диада субъект – объект превращается в триаду субъект – язык – объект. Излишне говорить, да это и не является специальной задачей данной статьи, что за роль играет язык в познании и какое место он должен занять в *теории* познания, в особенности после знаменитого лингвистического поворота. Если ощущения – начало познания, а представления – его центральная сфера, то язык, воплощающий мышление в понятиях, – место подлинного единства идеального и материального. «*Dabewußtsein*» – ситуация *начала*, язык – система, или пространство, *осуществления* познания. Совершая сигнификативный лифт, язык делает возможным превращение ощущения или восприятия в понятие, абстрактное мышление.

Несмотря на объявленное единство «здесь-и-теперь-бытия-сознания», презентация теории требует линейного развития в изложении, и мы следуем традиции. Теория познания экзистенциального материализма включает онтолого-гносеологические сюжеты; с точки зрения онтологической, сознание идеально. С точки зрения гносеологической, оно *презентативно*, то есть *представляет* бытие (а язык его ре-представляет, репрезентирует, как и любая другая знаковая система). С точки зрения онтологической, субстанции противостоят ее акциденции. С точки зрения гносеологической, сущности противостоят ее проявления, и т.п. В дополнение к диалектике бытия, сущности и существо-

вания, теория обсуждает *интерференцию* материального и идеального, «точку сборки» объективного и субъективного и т.д., а также исследование *основной синтагмы гносеологии*, то есть пропорции абсолютных и относительных моментов истины, и собственно истины *per se* [21].

Ключевые понятия, необходимые для характеристики истинного познания, суть объективированность; подобие; адекватность; порядок и последовательность, «*ordo et coherentia*». Порядок издавна рассматривался как *proprium*, собственный признак качества. В онтологии сознание определяется как нечто идеальное = нематериальное. В гносеологическом аспекте (со)знание определяется как истинное.

Однако, используя классический опыт развития теории познания, от древней натурфилософии, диалектики философов Ренессанса, систематики современной философии к идеализму Гегеля, материализму Фейербаха и марксистов, мы должны рассматривать и принимать во внимание философские события и достижения не только в направлении материализма. Это прежде всего кантианство, возрожденное в различных формах и отодвинувшее гегельянство; это – драматическая напряженность феноменологии и экзистенциализма, и поэзия герменевтики со всеми производными, что выросли в области (поле) постсовременного текста после «лингвистического поворота», и непосредственно сам лингвистический поворот и развитие связанной с ним аналитической философии, и богатое наследие семиотики. Однако есть ключевая концепция, к которой возводятся феноменология, экзистенциализм и современная герменевтика.

Мотив познания имеет происхождение в экзистенциальной убежденности в познаваемости явлений и законов окружения действительности, их данности нам в состоянии «здесь-и-теперь...». Как писал еще Христоф Зигварт, известный в прошлом логик, «*постулат свободы* есть не что иное, как постулат *единства самосознания*, раз признается, что самосознание мы должны рассматривать не только как единую форму объединения всякого... содержания, но вместе с тем и как единый источник волевых действий» [23, с. 23]. Трагический пессимизм был бы нашим единственным уделом без этой изначальной, фактически врожденной веры, которая вырастает из ориентировочного рефлекса и свободного передвижения. Идея познаваемости мира, включая не-наблюдаемое, сознательно принятая как принцип познания, получает, как правило, рациональную основу. Однако большие философы различных эпох приходили к серьезному скептицизму: от Пиррона до Секста Эмпирика,

от Беркли и Юма до Канта... Другие известные философы, например, марксисты, критиковали их за их недоверие к познавательным способностям человека. История свидетельствует, что большинство самых разных философов поддерживает познавательный теоретический оптимизм: да, познание есть работа сознания, и она достигает своей цели. Например, Зигварт интерпретировал это следующим образом: «...Всеобъемлющее познание данного... не есть достоящийся нам без труда подарок самопроизвольно развивающейся природы, ни случайное побочное приобретение..., оно есть свободно желанная цель, которую мы ставим нашей сознательной и планомерной деятельностью» [23, с. 18].

Какая цель? Неужели только формулировка и скрупулезный анализ пропозиций типа «Волга впадает в Каспийское море», «Днепр не впадает в Каспийское море»? Или возможность быстро добыть пропитание и незаметно скрыться от хищника? Экзистенциальная гносеология имманентно включает в себя ценностное, человеческое, экзистенциальное измерение. Целью может стать сама жизнь; или высокий идеал нравственного поведения; или – победы творческого гения; или сам Абсолют: высшее благо. «И право устанавливать эту цель для себя и преследовать ее, – писал Зигварт, – вытекает... из значимости нравственного идеала, частью которого мыслится наиболее всеобъемлющее познание...» [23, с. 18]. И далее: «...идея высшего блага есть... прежде всего простой стимул нашего практического мышления, как идея завершеного познания есть стимул теоретического мышления» [23, с. 22]. И прекрасный королларий, объединяющий логику и аксиологию: «...Это есть... постулат свободы, примененный к нашему мышлению как к желанной деятельности...» [23, с. 23].

«Dabewußtsein», единственная предпосылка нашей теории познания, не является нейтральной; это сильный и сложный экзистенциальный опыт. Поэтому должно быть упомянуто следующее: перспектива слишком отдаленного успеха не делает наше познавательное стремление недостижимым и поэтому неблагоприятным, но – недостижимым и поэтому слишком тревожным. Недостижимость познавательной цели разочаровывает, пугает и расстраивает человека; и теоретик познания должен рассмотреть экзистенциальное опасение невозможности успеха познания Бытия (и себя самого). Если нервы теоретика познания достаточно сильны, чтобы не иметь никакого интереса к аксиологическому измерению, если он никогда (стоически) не поддается радости или отчаянию и, имея веру в познаваемость мира, действует только рационально (недости-

жимость познания сделала бы наши стремления недостижимыми и поэтому неразумными), то этому теоретику можно напоминать о существовании страха, страсти и страдания, воображения, интуиции, веры, воли и т.д., что потребует от самого бестрепетного философа внимания к изучению законов эмоциональной жизни, *вообще антропологического измерения* в теории познания.

Заключение. В настоящее время существует настоятельная необходимость обновления гносеологии *именно* как гносеологии. Это вызвано разными причинами, однако главной является утрата Субъекта в теории познания (в особенности подаваемой как эпистемология). Как об этом пишет один из лучших отечественных философов А.Н. Фатенков, «...гносеологически понимаемый субъект имеет зримый человеческий облик, но на общем метафизическом плане остаётся фигурой заведомо и навсегда однобокой, не обладающей фундаментальным превосходством перед объектом и потому склонной к объективации...» [24, с. 105]. Напрашивается решение: теория познания должна имманентно включить и онтологические решения. Можно это сделать, восстановив онтологический статус субъекта [25, 26]. А можно – восстановив его *антропологический* статус, как бы парадоксально это ни звучало. Основной исследовательский результат, представленный в данной статье в виде изложения трех основных положений новой теории познания, есть собственно сама эта новая гносеология, соответствующая, по нашему мнению, наиболее адекватному современности мировоззрению: экзистенциальному материализму. «Старые» теории познания «приводятся» либо к Локку (материализм), либо к Юму и Канту (субъективный идеализм). Новая теория «снимает» механицизм первого и агностицизм второго.

Три указанные положения суть таковы.

1. Отправная ситуация познавательного процесса – особое состояние, отражающее единство бытия и познания. Принятый в экзистенциализме термин «Dasein» – «здесь-бытие» – дополняется инфинитивом «wissen» – «знать», в форме страдательного причастия, «Bewußt», т.е. «знаемый». Итоговый термин «Dabewußtsein» – «здесь-и-теперь-бытие-сознание» – прекрасно передает существо основной предпосылки новой теории познания: в гносеологии появляется не абстрактный «субъект», но реальный человек.

2. В структуру познавательного отношения – диады «субъект-объект» – вводится третий член: язык. Это единственный посредник между материальным и идеальным мирами, место их «встречи». Таким образом, можно прекратить споры по поводу архаичности «декартового cogito».

3. Введение этого третьего члена позволяет включить в арсенал гносеологии весь инструментарий наук о языке: лингвистики, теории коммуникации и семиотики. Последнее дает возможность определить самую истину в терминах идеальной представленности и морфизма (а не «образности», «когерентности», «релятивности» и пр.). Именно это, сохраняя материалистическое мировоззрение, коему привержены авторы, позволяет модернизировать корреспондентную теорию истины, учесть достижения иных теорий и уйти от жесткого «школьного» противопоставления материализма и идеализма, не давая вместе с тем абсолютизировать релятивизм.

Список литературы

1. Микешина Л.А. Философия познания. Poleмические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
2. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: Учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
3. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. М., СПб., Изд-во РХГИ, 2000. 320 с.
4. Касавин И.Т. Идея опыта: реабилитация или тризна? // Эпистемология & философия науки. Т. XXXIII. № 3. М.: Альфа-М, 2012. С. 5–18.
5. Касавин И.Т. Кнехт и Дезиньори. Социокультурные роли человека интеллектуального труда // Эпистемология & философия науки. Т. XXIX. № 3. М.: Альфа-М, 2011. С. 5–16.
6. Касавин И.Т., Порус В.Н. Вводная статья к кн.: Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход. М.: ИФРАН, 2009. С. 3–10.
7. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
8. Труды по знаковым системам / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, Тартуский гос. ун-т, 1964–1970.
9. Степанов Ю.С. Вводная статья к: Семиотика. Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–41.
10. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. Иваново: ИвГУ, 1994. 367 с.
11. Ким В.В. Семиотика и научное познание. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2008. 416 с.
12. Лосев А.Ф. Философия имени // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 11–187.
13. Лекторский В.А. Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология & философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. С. 35–48.
14. Лекторский А. Субъект. Познание. Деятельность. К 70-летию В.А. Лекторского. М.: КАНОН+, ОИ «Реабилитация». 2002. 720 с.
15. Гносеологические проблемы диалектического материализма / Отв. ред. Ф.И. Георгиев. М.: Высшая школа, 1974. 357 с.
16. Диалектический и исторический материализм / Под общ. ред. А.Г. Мысливченко, А.П. Шептулина. М.: Политиздат, 1988. 446 с.
17. Диалектический и исторический материализм / Общ. ред. С.М. Ковалева. М.: Политиздат, 1969. 310 с.
18. Ойзерман Т.И. Главные философские направления. Теоретический анализ историко-философского процесса. М.: Мысль, 1984. 303 с.
19. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М.: МГУ, 1974. 214 с.
20. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. [XXVII], 525 с.
21. Тайсина Э.А. Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. СПб.: Алетей, 2013. 608 с.
22. XXII World Congress of Philosophy, Seoul, South Korea, July 2008 (персональный сайт tajsina.dialog21.ru)
23. Зигварт Христоф. Логика. Т. II. Вып. 1. СПб., 1908.
24. Фатенков А.Н. Субъект, объект и вещь-само-себе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2011. № 3 (23). С. 105–111.
25. Фатенков А.Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5–20.
26. Фатенков А.Н. Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 159–169.

THEORY OF KNOWLEDGE IN FRONT OF THE PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL CHALLENGE

E.A. Taysina, T.N. Khalitov

Main statements of the new cognition theory are presented, corresponding to existential materialism world view. Its formation was caused by the necessity to back away from the «correspondence» theory of truth under the anthropological turn, and the need to take the opposing trends in philosophy into consideration. This became possible due to the principle of being and cognition unity, reflecting the situation of «here-and-now-being-consciousness».

Keywords: gnosiology, anthropology, existential materialism, «Dabewußtsein», F. Brentano's philosophy of mind, truth.